
Ю. П. ПОМЕЛОВА

ИНТЕГРАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В НАЦИОНАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ КНР

В статье предпринята попытка теоретического анализа современной ситуации формирования национальной идентичности КНР в историческом, политическом и идеологическом контекстах. Рассмотрены модели формирования и практические вопросы интеграции национальных меньшинств, проживающих на территории КНР, в систему общегосударственной национальной идентичности.

Ключевые слова: *Китайская Народная Республика, национальные меньшинства, национальная идентичность, политика идентичности, этнические идентичности.*

В структуре национальной идентичности значительной части граждан в большинстве современных государств на первый план выходит этническая составляющая, и это оказывается серьезным вызовом для будущего государства-нации. В его составе укрепляются позиции стремящихся к автономии регионов, выступающих от имени автохтонных этнических сообществ (Семененко 2010: 88).

Каждое государство существует, руководствуясь своими специфическими институтами, нормами и традициями. Вместе с основанием первого единого государства на территории современного Китая был сформирован и его главный идеологический принцип: Китай есть центр истории, центр народов, древнейшая цивилизация с непрерывной культурной традицией, которая только дополнялась и развивалась, но никогда не претерпевала кардинальных изменений.

Китай оказался способен «переварить» все культурные императивы, которые накладывались на его народ: чужеродные династии, коммунизм в его советской интерпретации, а сейчас «переваривает» культурный глобализм (Кортунов 2009: 24). Главное значение

для него имеет преемственность ключевых смыслов и ценностей общества, связь поколений.

XVI съезд Коммунистической партии Китая сформулировал в качестве стратегической задачи развития и условия, необходимого для дальнейшего существования КНР, требование «неуклонно возвышать и внедрять национальный дух». Официальный статус при этом получила концепция *чжунхуа миньцзу* – единой китайской нации (Full... 2006). Под этим подразумевается постепенное формирование у граждан КНР государственной надэтнической идентичности.

Важнейшей проблемой идентичности КНР является вопрос не ее наличия или отсутствия, истории формирования, различных методологических подходов, а скорее использования данной категории в политических целях. Под контролем КПК концепт «КНР» целенаправленно формируется в виде сообщества, объединенного общими целями, культурой и идентичностью.

Без важнейших единых институтов, образовательных, юридических, политических и экономических, национальная идентичность не способна обрести государственную форму. Но при этом без этнической идентичности, без ее непосредственного выражения через «мифо-символические комплексы» современная нация была бы «беспочвенным измышлением». Идентичность граждан представляет собой сложную неравновесную систему, которая сочетает элементы открытости, то есть возможность влияния внешних факторов и самоорганизации самих этносов для успешного развития. Чем этническая идентичность устойчивее, тем успешнее оказывается и национальная идентичность. Таким образом, объединение сообщества граждан и этнокультурного сообщества достигается посредством формирования национальной идентичности через формирование общих ценностей и символов, определяющих единство исторических судеб данного взаимодействия.

Политика формирования национальной идентичности КНР используется государством в качестве инструмента установления социальной коммуникации между представителями разных идеологий и убеждений. Если гражданская идентичность выстраивается на основе «ежедневного плебисцита», то для формирования нацио-

нальной идентичности требуются спланированные действия правительства, продолжительные по времени.

Строительство национальной идентичности реализуется не только путем исключения внешнего «другого»: через определение того, кем и чем «мы» не является, и того, чего «мы» должны бояться, например через поддержание дискурса опасности и создания алармистской идентичности. Но в некоторых случаях с чрезвычайной необходимостью политика идентичности требует подавления этого внутреннего «другого», что и происходит в КНР. Если внутренний «другой» представляет опасность для концепции «мы», государство прибегает к насилию как к методу дисциплинирования, маргинализации, изгнания внутреннего «другого» или включения его в общую государственную идентичность.

Следуя мнению антрополога Брэккетт Уильямс, мы можем расценивать современное государство как продукт процесса тотализации культуры, который подразумевает неумолимое стремление к однородности. Однородность может служить разным задачам, например гомогенизации пространства, подлежащего государственному управлению. Государствам свойственна различная интенсивность гомогенизирующих усилий, которые в известной степени производны от того, какой властью обладают политические элиты и с каким сопротивлением они сталкиваются (цит. по: Вердери 2002: 303). Институциональное закрепление представления об однородности предполагает, что в фокусе общественного внимания оказываются те, кто не имеет признаков соответствия проекту гомогенизации.

Гомогенизация идентичности населения КНР требует неординарных усилий в области образования, языковой, информационной и религиозной политики. Существует огромное различие между культурой, передаваемой в повседневной жизни, неформально, и культурой, «которой занимаются профессионалы, не занятые кроме этого ничем другим, выполняющие четко определенные обязанности, детально зафиксированные в нормативных текстах» [Геллнер 1992: 151]. Во втором случае культура включает в себя теории, обосновывающие ее ценностные установки, опирается на корпус текстов и разъяснений, подчинена общим стандартам, обеспечивающим ее единство на территории государства. Если «формальная»

культура в своем развитии не опирается на культуры «неформальные», характерной чертой данного общества становится напряжение между ними. Создание подобной дорогостоящей стандартизирующей системы, постепенно перерабатывающей человеческий материал, под силу только государству, но не гарантирует успеха данного предприятия.

Сложность этнической карты КНР, как и многих других полиэтнических государств, не позволяет в равной мере реализовать устремления всех этнических групп. Несмотря на их желание, лучше всего выраженное Эрнестом Геллнером: «Как у каждой женщины должен быть муж, желательно собственный, так же и у культуры должно быть государство, желательно свое собственное» [Геллнер 1992: 159], огромное количество этнических групп и соответствующих им культур не дает возможности каждой из них образовать свое государство, одни этнические группы неизбежно попадают под управление других.

Таким образом, можно предположить, что формирование идентичности, с одной стороны, является дисциплинарной практикой, нацеленной на гомогенизацию населения и создание чувства единства и однородности, с другой стороны, это ограничительная практика, направленная на формирование национальной идентичности на определенной территории вне зависимости от иностранного влияния.

Соответственно строительство национальной идентичности, охватывающей всю территорию государства, никогда не будет завершено. Государство пребывает в состоянии постоянного репродуктивного идентичности и всегда находится в процессе становления. Тем более что в современном глобализированном мире, для которого характерен стремительный рост числа вовлеченных в транснациональные практики, совершенно невозможно достичь прочной и однородной идентификации населения с государством.

Не только большое количество этнических меньшинств с разными традициями, проживающих в Китае, но и сами ханьцы, особенно в наши дни, не обладают единой и стабильной идентичностью. Несмотря на вводимые государством единые нормативы нормы и жизни, иероглифическую письменную традицию, единое конфуцианское (с элементами даосизма и буддизма) мировоззре-

ние, на всей территории расселения ханьцев не прекращается развитие локальных этнических групп, обладающих определенным сознанием своего единства и отличающих себя от других групп по языку, культуре, самосознанию, уровню социально-экономического развития, условиям экономической жизни и экономическим интересам. Их самоощущение постоянно изменяется в соответствии с историческими событиями, которые приводят к пересмотру и постоянной адаптации традиционных ценностей к условиям настоящего времени. А с тех пор как Китай открыл свои границы для внешнего мира, у граждан КНР появилось больше возможностей для интеграции в иные, неавтохтонные культурные сообщества.

Богатство образов СМИ, импортирующих популярную культуру в постреформенный Китай, позволило гражданину КНР идентифицировать себя с «отсутствующим другим», тем самым открыв ему космополитические перспективы (Maugé 2008: 15). Открытие страны капитализму и массовой потребительской культуре создало возможности для формирования новых самоидентификаций и увеличения интереса к внешнему миру. В результате китайская идентичность плюрализуется, утрачивая связь с территорией. Вслед за быстрой модернизацией страна подвергается все большему влиянию глобальных культурных потоков, внешних культур и идей. Образуется иная, отличная от необходимой правительству идентичность, которая углубляет кризис традиционной национальной идентичности и подрывает основы коммунистического режима, особенно среди интеллигенции и студентов. Упадок идеологии ведет к тому, что Чжао Суйшэн определил как «кризис трех убеждений: кризис веры в социализм, кризис веры в марксизм и кризис доверия к партии» (цит. по: *Ibid.*: 21).

Противодействие угрожающим декадентским идеалам Запада на основе национальной идентичности, подключающей ресурсы истории и культурного наследия Китая, осуществляется с акцентом на «особую китайскую специфику». Благодаря этой концепции стало возможным не только проведение экономических реформ при сохранении социалистического строя и доминирующей позиции КПК, но и противопоставление уникальной истории и культуры КНР западным ценностям. На основе общей истории, общих

побед и несчастий гораздо проще объединить людей, чем на базе любой концепции построения идеалистического общества. Все три временных пространства – прошлое, настоящее и будущее – должны работать на упрочение национальной идентичности (Мен 2003: 32).

Возможны по крайней мере три различных модели объединения КНР в единое сообщество (Кемаев 2007: 54). Первая, иерархическая, модель может быть обозначена как модель «гнезда». В ее рамках этнические, региональные и религиозные идентичности дополняют друг друга. Например, уйгурская этническая идентичность фиксирует принадлежность к Синьцзян-Уйгурскому автономному району, что, в свою очередь, означает быть и осознавать себя частью КНР. Вторая, кросс-культурная, модель построения идентичности КНР предполагает, что члены одной группы по-разному определяют свои отношения применительно к другой. Присутствие у индивида нескольких устойчивых идентичностей (к примеру, религиозной и гражданско-политической) не означает их непосредственной взаимосвязи. Гражданин КНР с ярко выраженной религиозной идентичностью не обязательно должен осознавать свою национальную идентичность именно через принадлежность к определенной религиозной группе. Третья модель – модель «слоеного пирога». Она соединяет в себе черты кросс-культурной и иерархической моделей. В ней прослеживается даже отрицательная комплементарность, а также хаотическая взаимозависимость составляющих ее элементов.

Вариант «слоеного пирога» реализуется через поддержку интеграции национальных меньшинств в китайское общество. В идеале такая модель предполагает формирование общей исторической памяти нации, адресованной в равной мере и ханьцам, и меньшинствам, а также постепенные изменения общественной жизни и идентификационный плюрализм в качестве решения проблемы трансформации идентичности. Но сложившаяся практика реализации стратегии формирования национальной идентичности во многом основана на недоверии к этническим и частным идентификациям, что входит в конфликт с реалиями глобализирующегося мира, в котором существуют многочисленные альтернативы национально-государственной идентичности КНР. Если пренебрегать локальными маркерами, не принимать в расчет ценности и тради-

ции меньшинств, невозможно сформировать фундамент идентичности, разделяемой всеми гражданами КНР.

Китай – многокультурное, многонациональное и многоконфессиональное государство, содержащее этнические меньшинства и диссидентские группы, и потенциал ценностного конфликта зачастую превышает потенциал общегражданских ценностей. Главной проблемой правительства КНР в вопросах формирования национальной идентичности является склонность воспринимать конфликт национальной и этнических идентичностей в рамках концепции «нулевой суммы».

Но возможны и иные подходы, когда приверженность этнической идентичности не подрывает лояльности к общегражданскому, религиозному или другому сообществу. И если рассматривать национальные меньшинства и сообщество граждан КНР как «воображаемые сообщества», то отдельный гражданин Китая при самоидентификации не обязательно должен выбирать между ними.

Как и представителям большинства народов, ханьцам свойственен определенный шовинизм: высшее – то, что ассоциируется с ними, а все иное – низшее. В области культуры ценным зачастую признается лишь то, что составляет или может составлять элемент собственной культуры. Принимающие культуру ханьского большинства перенимают и эту черту их психического склада, оценивая себя с той же точки зрения.

Полное приобщение к культуре, созданной другим народом, возможно лишь в случае антропологического смешения с этим народом (Трубецкой 1920). В этом случае для «другого» ханьская культура становится в некоторой степени родной. Тем не менее «другой», принявший ханьскую культуру, становится маргиналом, так как он изначально отличается и от ханьцев, и от автохтонного населения своего сообщества.

Традиционная культура ханьцев однородна, тогда как культура национальных меньшинств содержит в себе множество культурных ценностей, иными словами, сумму потенциальных приобретений, обогащающих национальную культуру КНР и общенациональную идентичность. Но большая часть из них исчезает в процессе «борьбы за признание», вступая в конфликт с ценностями ханьцев. Если формирование общенациональной идентичности требует усилий

для интеграции разнородных культур (исключая лишнее и определяя общие ценности и элементы), то развитие культур национальных меньшинств идет естественным путем. Было выделено четыре типа сценариев такой интеграции (Кемаев 2007: 72). Первый тип, когда культурные приобретения возникают из интеграции культур национальных меньшинств, не обладает никакой ценностью с китайской точки зрения; немногие из них будут признаны общенациональными в ходе «борьбы за признание» с исконно ханьскими. Второй и третий типы, когда культурные приобретения возникают из интеграции элементов ханьской культуры и культур национальных меньшинств, рассматриваются как трансформация национальной идентичности КНР. Четвертый тип, когда культурные приобретения заимствуются исключительно из ханьской культуры, является рекомбинацией традиций, ценностей, предпочтений, символов и наследственности ханьцев.

Совокупность этих интеграционных процессов дает очевидное преимущество ханьцам, тогда как творческая эффективность национальных меньшинств будет невысока. Но авторитет ханьской культуры при этом повышается, поскольку ханьцы привнесут больше ценностей в культурный багаж КНР, а меньшинствам придется принять эти ценности. Следовательно, по отношению к национальным меньшинствам культурный импорт будет превышать культурный экспорт, с течением времени их зависимость от общенациональной культуры КНР будет увеличиваться, а единство внутри национальных меньшинств – уменьшаться. При заимствовании усилится разрыв между поколениями, социальными, профессиональными и имущественными группами (Там же: 72).

В процессе формирования национальной идентичности КНР представляется перспективным использование опыта Сингапура. Одной из опор его модернизации стало утверждение национальной идентичности молодой сингапурской полиэтнической общности. Основой формирования национальной идентичности стал экономический успех, который, в свою очередь, служил стимулом для дальнейшего продвижения по пути консолидации общества (Ortmann 2009). Национальная идентичность Сингапура вобрала в себя элементы западной культуры с опорой на традиционные модели поведения и моральные убеждения китайцев, малайцев, индусов –

коллективистские ориентации, семейные ценности, смирение перед властями, расовую и религиозную терпимость (Семененко 2009: 97, 98). Модель развития национальной идентичности Сингапура не лишена проблем, «сингапурский дух» проигрывает вестернизации, но опыт успешного формирования национальной идентичности за столь короткий срок (с 1965 г.) заслуживает более детального рассмотрения.

В заключение хотелось бы сказать, что национальная идентичность КНР не заключена в пространственно-определенном состоянии, но переходит и в транснациональные практики. Глобальные потоки ведут к новым возможностям и формированию транснациональных идентификаций. Во всем мире разнообразие этнических групп, мировоззрений и вероисповеданий, социально-культурных форм жизни людей стремительно возрастает, организация общества постепенно переходит от формата национального государства, основанного на однородности населения, к плюралистическому обществу. Для правящей элиты в этом случае есть только два варианта развития событий: этнические, религиозные чистки и агрессивное поддержание однородности, за которым скрывается поддержка культуры господствующего большинства, подавляющего иные культуры, или же признание неоднородности своего населения и ненасильственное утверждение общенациональной идентичности. При этом «культура большинства должна быть четко отделена от политической культуры» (Хабермас 2002: 374).

Литература

Вердери, К. 2002. Куда идут «нация» и «национализм». В: Андерсон, Б., Бауэр, О., Хрох, М. и др., *Нации и национализм* (с. 297–307). М.: Праксис.

Геллнер, Э. 1992. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. *Путь: международный философский журнал* 1: 9–61.

Кемаев, К. В. 2007. *Процесс формирования общеевропейской идентичности: политика валютно-финансового регулирования, механизмы политико-экономической трансформации, технологии стратегического моделирования*: дис. ... канд. полит. наук. Н. Новгород: НГУ им. Н. И. Лобачевского.

Кортунов, С. В. 2009. *Национальная идентичность. Постижение смысла*. М.: Аспект Пресс.

Семененко, И. С. 2010. Национальные практики формирования гражданской идентичности: опыт сравнительного анализа. *Идентичность как предмет политического анализа: сб. статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции, Москва, 21–22 октября 2010 г.* (с. 86–101). М.: ИМЭМО РАН.

Трубецкой, Н. С. 1920. *Европа и человечество*. София. URL: <http://www.philosophy.ru/phil/library/vehi/nstev.htm>.

Хабермас, Ю. 2002. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства. В: Андерсон, Б., Бауэр, О., Хрох, М. и др., *Нации и национализм* (с. 364–380). М.: Праксис.

Full Text of Jiang Zemin's Report at 16th Party Congress. 2006. URL: <http://english.cpc.people.com.cn/66739/4496615.html>.

Mauri, F. 2008. *The Reconstruction of National Identity in Post-mao China*. London: University of London. URL: <http://archive.atlantic-community.org/app/webroot/files/articlepdf/The-reconstruction-of-Chinese-identity.pdf>.

Men, J. 2003. *The search of An Official Ideology and Its Impact on Chinese Foreign Policy*. Brussels: University of Brussels.

Ortmann, S. 2009. Singapore: The politics of Investing National Identity. *Journal of current Southeast Asian affairs* 4: 23–46. URL: <http://journals.sub.uni-hamburg.de/giga/jsaa/article/view/169/169>.